

Сезон ОХОТЫ

Марина Андреева

18+

Марина Андреева

Сезон охоты

<https://litres.ru/74292107>

SelfPub; 2026

Аннотация

В марте даже стены пахнут весной. А в последнюю неделю месяца я перестаю принадлежать себе, теряю человеческий облик. Моя внутренняя кошка требует свободы, драки и... вожака. Я годами пряталась в броню одиночества, но в этом году судьба подселила ко мне соседа. Спокойного, насмешливого и опасного. Он знает правила Кошачьего марта лучше меня. И он решил, что этой ночью одиночеству придёт конец. Даже если мне придётся бежать. Даже если ему придётся догонять. Ведь в марте тот, кто догоняет — забирает всё.

Содержание

ГЛАВА 1. «ПЕРВЫЙ ЗАПАХ» (25 марта)	4
ГЛАВА 2. «ПРАВИЛА ИГРЫ» (26 марта)	20
ГЛАВА 3. «КОШАЧЬЯ СВАДЬБА» (27 марта)	37
ГЛАВА 4. «ТИХАЯ НОЧЬ» (28 марта)	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Марина Андреева

Сезон охоты

ГЛАВА 1. «ПЕРВЫЙ ЗАПАХ» (25 марта)

Ставни закрыты, и металлический лязг последнего замка звучит как приговор. Квартира превращается в бункер — пахнет герметиком, пылью и моим страхом. Последний аромат самый стойкий, его не выветрить даже за месяц. Проверяю окна: раз, два, три. Всё на месте, ни щели, ни лучика. В марте я живу в гробу, и, кажется, начинаю сходить с ума от этой тишины.

Слышу, как колотится сердце — слишком громко, слишком нервно. Беру с полки банку с успокоительным чаем. Травы шуршат, как мыши. Завариваю: кипяток заливает сморщенные листья, они расправляются, выпуская запах мяты и мелиссы. Вкус детства. Мама поила меня таким перед сном, тогда я ещё не знала, что она прячет меня не от ночных кошмаров, а от настоящих монстров.

Амулет на шее холодит кожу. Мамин подарок — тонкое серебро, камень цвета кошачьего глаза. Никогда не снимаю, даже в душе, даже когда кажется, что он душит. Подношу

пальцы к камню, он гладкий и почему-то тёплый. Странно. Металл не должен нагреваться сам по себе.

— Ты справишься, — говорю себе в пустоту. Голос звучит чужо, как у диктора в радиоприёмнике.

Внутри — ни капли уверенности. В прошлом году я едва не выпрыгнула с балкона, когда услышала вой на крыше. Пришлось привязать себя к батарее ремнями. Смешно вспоминать сейчас, но тогда было не до смеха. Хищники выли всю ночь, и моя кровь отзывалась на их зов.

Подхожу к стене, прижимаюсь ухом к холодным обоям. Слышу шаги — тяжёлые, но плавные. Новый сосед. Заселился на прошлой неделе, я тогда ещё подумала: странный тип. Слишком спокойный для этого дома. Слишком опасный. Он ходит по комнате, останавливается. Прямо напротив моей спальни.

Задерживаю дыхание. Сердце колотится так громко, что, кажется, он тоже слышит. Глупо, стены бетонные. Но я чувствую его взгляд сквозь кирпичи. Бред, конечно. Март ещё не начался, а я уже параноик. Шаги возобновляются, уходят в сторону кухни. Выдыхаю.

Сажусь на пол, прислонившись спиной к стене. Внутри всё дрожит — не от страха, от предчувствия. Каждый год одно и то же: сначала дрожь, потом жар, потом потеря контроля. Кладу руку на стену. Бетон холодный, шершавый, но мне кажется, что сквозь него просачивается тепло. Его тепло.

— Прекрати, — шепчу.

Встаю, иду на кухню. Наливаю чай в кружку с треснувшей ручкой. Пью маленькими глотками, горячо, язык обжигает, но боль отрезвляет. В зеркале над раковиной вижу своё отражение: бледная, растрёпанная, круги под глазами — как у панды. Взгляд испуганный, зрачки чуть шире нормы. Начинается.

Телефон пищит. Сообщение от Алисы: «Ты как? Держись. Я за городом, тут тихо. Не высывайся». Не отвечаю. Что писать? «Я боюсь собственной тени»? «Мне кажется, что новый сосед — хищник»? Она и так знает, она сама из клана «Южных», хоть и скрывает. Но в марте даже друзья становятся врагами.

Засыпаю в кресле, не раздеваясь. Свечу оставляю гореть. Тени пляшут по стенам, как живые. Мне снится поле, полное кошек. Они смотрят на меня жёлтыми глазами, а в центре — пантера. Чёрная, огромная, с золотыми глазами. Его глаза. Просыпаюсь в холодном поту.

— Добро пожаловать в март, Ника, — говорю в тишину. Никто не отвечает.

Утром решаю: продукты нужны. Запас на две недели — это не шутка. Спускаюсь по лестнице, стараясь ступать бесшумно. В подъезде пахнет сыростью и чьим-то табаком. Новый жилец курит на площадке, что ли? Поворачиваю за угол и буквально врезаюсь в него. Грудью в его спину.

Он стоит у мусоропровода, перебирает ключи. Высокий.

Чёрт, какой высокий — моей макушкой едва достаю до его плеча. Волосы тёмные, чуть длиннее, чем обычно носят. На левой руке чёрная перчатка, даже в марте, даже в помещении.

— Осторожнее, — его голос низкий, с хрипотцой. Как будто он только проснулся или курит с утра.

Делаю шаг назад. Сердце ухает в пятки. Пытаюсь выдавить из себя «извините», но получается невнятное мычание. Он поворачивается и смотрит в упор. Глаза тёмные, почти чёрные, но в глубине — искра. Золотая. Такая же, как у той пантеры во сне.

— Вы новенькая? — спрашиваю, хотя знаю, что нет. Я живу здесь три года.

— Сосед, — он кивает в сторону потолка. — Демид. Сверху.

Представляться не хочется, но язык предательски выдает: — Ника.

Он улыбается. Не то чтобы приветливо — скорее насмешливо. Как будто знает про меня что-то, чего я сама не знаю. Его взгляд скользит по моему лицу, останавливается на шее. На амулете.

— Красивый камень, — говорит. — Кошачий глаз.

По спине бегут мурашки. Ничего особенного, обычное замечание. Но внутри всё сжимается в тугой ком. Этот камень — не просто украшение. Мама говорила, что он хранит тайну. Какую — не сказала, только велела никогда не снимать.

— Спасибо, — бросаю и пытаюсь пройти мимо.

Он не двигается. Просто стоит, перекрывая проход, и смотрит. Я чувствую запах — кожа, табак и кошка. Пахнет кошкой. Не животным, а чем-то диким, от чего по коже идёт дрожь. Внутренний голос орёт: беги, дура, беги. Но ноги не слушаются.

— Вы не могли бы пропустить? — мой голос звучит резче, чем хотелось бы.

Он делает шаг в сторону. Медленно, нехотя.

— Конечно, — говорит, но интонация такая, будто добавляет: «конечно, я тебя ещё подожду».

Проскальзываю мимо, стараясь не касаться. Плечом чувствую тепло его тела — или мне кажется. На лестничном пролёте слышу его голос:

— Ты тоже чувствуешь? Март близко.

Замираю. Спина каменеет. Не оборачиваюсь.

— Не знаю, о чём вы, — бросаю через плечо и почти бегу вниз.

Сердце колотится где-то в горле. Он знает. Он точно знает. Но откуда? Я никому не рассказывала, даже Алисе не говорила всего. Мать завещала молчать, и я молчала три года. А этот незнакомец с первого взгляда раскусил меня.

На улице свежий ветер бьёт в лицо. Прислоняюсь к стене дома, пытаюсь отдышаться. В груди тесно, воздуха не хватает.

— Дура, — шепчу себе. — Просто дура. Приняла обыч-

ного мужика за хищника.

Но внутри — липкий страх. И ещё что-то. Что-то тёплое, низкое, что просыпается в животе и тянет назад. К нему. Нет, только не это. Не в марте.

Иду в магазин. Список продуктов вылетел из головы, помню только молоко и хлеб. Остальное хватаю наугад: гречку, консервы, печенье. На кассе протягиваю деньги дрожащими руками. Продавщица смотрит с подозрением — видно же, что со мной что-то не так.

Когда возвращаюсь, на лестничной клетке уже пусто. Только запах табака и кофе. Он успел сварить и оставил кружку на подоконнике. Рядом — записка: «Пей. Это не отрава».

Смотрю на кружку. Чёрный кофе, без сахара. Я пью с сахаром. Откуда он знает? Может, видел в магазине, как я покупала? Или просто угадал? Выливаю кофе в раковину, но запах остаётся. Пахнет им. И этот запах въедается в мою кухню, в мою голову, в мою кожу.

Закрываю дверь на все замки. Задвигаю засов. Плевать, что он подумает. Я не впущу его. Никогда.

К вечеру воздух становится густым, как патока. Даже в квартире с закрытыми ставнями я чувствую, как Март подкрадывается. Тело ломит, как перед простудой — кости ноют, суставы щёлкают при каждом движении, мышцы тянут, будто их скручивают в узлы. Включаю свет — не работает.

Опять отключили. Каждый год одно и то же: в марте город экономит на электроэнергии или сеть просто не выдерживает наплыва хищников.

Достаю свечи. Спички чиркают, пахнет серой. Пламя разгорается, отбрасывает тени на стены — они движутся, как живые. Смотрю в окно: на улице ни души. Даже собак не слышно — они чувствуют хищников и прячутся. Город умирает в последнюю неделю марта. Те, кто может, уезжают. Те, кто остаётся, запираются в квартирах и молятся.

Звонок в дверь.

Замираю. Кто в такое время? Я никого не жду. Алиса за городом, остальные друзья в курсе моих правил — в марте не лезть. Стук повторяется, три коротких удара. Подхожу к двери, смотрю в глазок. Коридор пуст. Ни души.

— Галлюцинации, — шепчу. Первый симптом.

Отхожу от двери, и тут же слышу царапанье в стену. Со стороны его квартиры. Прикладываю ухо к бетону. Тишина. Потом глухой удар — будто он бьёт кулаком по стене. Что он там делает? Тренируется? Или тоже сходит с ума?

Сажусь в угол кухни, поджав ноги. Беру нож — старый, тупой, кухонный. От хищника не защитит, но с ним как-то спокойнее. Свечи горят, воск плавится, стекает по подсвечникам. Пахнет парафином и моим потом. Руки дрожат крупной дрожью, пытаюсь унять — не получается. Тело не слушается.

Вспоминаю отца. Его глаза в последнюю мартовскую ночь.

Зрачки вертикальные, как у змеи. Он смотрел на меня, но не видел — там была пустота, тьма, чужой разум. Потом встал и вышел в темноту. Я кричала, но он не обернулся. Мать ушла через год. Сказала: «Я должна найти его или убить». Не нашла, не убила. Просто исчезла.

Амулет на шее холодит кожу. Сжимаю его в кулаке — камень впирается в ладонь, оставляет след.

— Ты обещала, что защитит, — шепчу. — Ты обещала.

Камень молчит. Как и всегда.

Слышу шаги на лестнице. Кто-то поднимается медленно, тяжело. Останавливается у моей двери. Задерживаю дыхание, сердце колотится так громко, что, кажется, он слышит. Тишина. Долгая, вязкая. Считаю до ста. До двухсот. Стук в дверь — три коротких удара. Вздрагиваю, нож выпадает из руки, с грохотом бьётся об пол.

Молчу. Не дышу. Зажимаю рот ладонью, чтобы не выдать себя случайным всхлипом.

Через минуту шаги удаляются. Наверх. К нему.

Прижимаюсь спиной к стене, обнимаю колени. Внутри всё кипит: страх, злость, бессилие. И ещё что-то — чужое, звериное, что просыпается в груди и требует выпустить его наружу. Не сейчас. Ещё рано. Я должна продержаться хотя бы до первого апреля.

— Всё нормально, — говорю себе. — Просто игры разума.

Но знаю, что нет. В марте игры разума становятся реальностью. Самые страшные монстры — не те, что приходят

извне. Те, что живут внутри и ждут своего часа.

Не смыкаю глаз до утра. Сажу в углу, обняв колени. Свечи догорают одна за другой, погружая комнату в темноту. В полной темноте слышу, как бьётся моё сердце — и ещё что-то. Ритмичное, низкое, как чужое дыхание за стеной. Он тоже не спит. Он тоже ждёт.

Утром нахожу под дверью сухой кленовый лист. В марте. Он издевается. Поднимаю лист, он хрустит в пальцах, рассыпается в пыль.

— Идиот, — шепчу.

Но губы предательски тянутся в улыбку.

Ночь становится бесконечной. Свечи давно догорели, я сижу в темноте, и каждый шорох кажется шагом хищника. Телефон показывает 2:34. Через три часа рассвет, но в марте рассвет не приносит облегчения — он просто сменяет тьму на серость. Встаю, иду на кухню, наливаю воду из-под крана. Пью маленькими глотками, вкус хлора и ржавчины — противно, но это единственное, что напоминает: я ещё в реальности, ещё не сошла с ума.

Шаги сверху. Он не спит. Ходит по комнате, останавливается, снова ходит. Как зверь в клетке. Интересно, он тоже боится Марта? Или ему всё равно? Может, он из тех, кто не теряет контроль, а наоборот — обретает силу. Такие опаснее всего. С ними нельзя встречаться взглядом, нельзя дышать в их сторону. Они чувствуют страх за километр.

Прикладываю ладонь к потолку. Бетон холодный, шершавый, но мне снова кажется, что я чувствую тепло. Его тепло. Или это у меня жар? Проверяю лоб — горячий. Температура. Организм реагирует на приближение Марта как на болезнь. Так всегда, но в этом году сильнее.

— Кто ты? — шепчу в пустоту.

В ответ — тишина. Только его шаги. И моё сердце. Ложусь на диван, накрываюсь пледом. Пахнет стиральным порошком и моей же паникой. Закрываю глаза, и передо мной — его лицо. Тёмные глаза, насмешливая улыбка. «Ты тоже чувствуешь?» Чувствую. Чёрт возьми, чувствую. И ненавижу себя за это.

Мысленно возвращаюсь к правилу: не доверять, не приближаться, не впускать. Мать повторяла это каждый год, когда я была маленькой. «Ника, в марте все мужчины — хищники. Даже те, кто кажется добрым. Особенно те, кто кажется добрым». Она была права. Но она же выбрала отца — обычного человека, не хищника. И что с того? Он всё равно ушёл в ночь. Она всё равно погибла.

Поворачиваюсь на бок, смотрю в стену. За ней — его квартира, его запах, его дыхание. Интересно, он спит голым? Представляю — и тут же себя одёргиваю. О чём я думаю? Это Март играет с моими гормонами. Просто химия, просто инстинкты. Ничего личного.

— Спокойной ночи, — шепчу.

Не знаю, зачем. Может, он слышит. Может, нет.

В 4:30 засыпаю. Снится поле, но на этот раз без кошек. Только чёрная пантера. Она лежит у моих ног и мурлычет, низко, раскатисто, как двигатель. Я глажу её по спине — шерсть мягкая, тёплая, переливается в лунном свете. Она смотрит на меня золотыми глазами и не отводит взгляда.

— Не бойся, — слышу его голос. — Я не трону.

Просыпаюсь от будильника. 7:00. Солнце ещё не встало, но за окном сереет. Встаю, иду в душ. Ледяная вода отрезвляет, стоит под струёй, пока зубы не начинают стучать. В зеркале — осунувшееся лицо, синяки под глазами, растрёпанные волосы. И зрачки. Они уже не круглые. Они вытягиваются, становятся вертикальными. Начинается.

Надеваю свитер с высоким горлом — скрыть амулет. Джинсы, носки. Сегодня я не выйду на улицу. Сегодня я запрусь и буду сидеть тихо, как мышь. Никаких магазинов, никаких встреч. Только я, стены и моя паранойя.

Стук в дверь.

Замираю. Не двигаюсь.

Стук повторяется, громче, настойчивее.

— Ника, открой, — его голос. Низкий, спокойный, как ни в чём не бывало.

Молчу. Прижимаюсь к стене, задерживаю дыхание.

— Я знаю, что ты дома. Я слышу твоё сердце.

Чёрт. Он слышит сердце? Это значит, что он хищник. И сильный. Очень сильный.

— Что тебе нужно? — кричу через дверь, голос срывается

на фальцет.

— Поговорить. Всего пять минут.

— Не открываю незнакомцам.

Он смеётся — недобро или насмешливо? Сквозь дверь не разобрать.

— Мы уже знакомы. Вчера на лестнице. Я Демид. Сверху.

— Я помню.

— Тогда открой. Или я открою сам.

Угроза? Проверка? Не знаю. Но внутри всё холодеет, кровь отливает от лица.

— Попробуй, — говорю, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Сигнализация на замке.

Он молчит долго, очень долго. Я слышу его дыхание — ровное, спокойное. Уверенное. Потом:

— Хорошо. Я подожду. Но ты придёшь сама. Рано или поздно.

Шаги удаляются, вниз по лестнице. Выдыхаю, прислоняюсь лбом к двери. Металл холодный, пахнет краской и его запахом — он всё ещё здесь, он никуда не ушёл. Просто за-
таился.

— Дурак, — шепчу. — Самонадеянный дурак.

Но внутри — странное облегчение. Он не ломился, не угрожал, не пытался запугать. Просто сказал: «Я подожду». И это страшит больше, чем если бы он выбил дверь.

Утро 26 марта, восемь часов. Я не спала почти двое суток,

но чувство тревоги не уходит — оно нарастает, как давление перед грозой. Завариваю кофе, пью чёрный, без сахара. Горько, обжигает язык, но боль отрезвляет. Смотрю в окно — на улице ни души, только ветер гоняет мусор по асфальту. Обычный мартовский ветер. Но в этом году он пахнет иначе. Пахнет зверем.

Достаю чемодан. Складываю вещи: джинсы, футболки, аптечка, запасные батарейки для фонарика. Нож — настоящий, охотничий, мамин подарок. Тогда я смеялась: зачем мне? Теперь ношу с собой, даже в душ. Пишу Алисе: «Я уезжаю за город. Не ищи». Ответ приходит через минуту: «Одна? Ты с ума сошла. Там стаи». «Я не одна. Со мной нож». «Ты идиотка. Приезжай ко мне». «Нет. Мне нужно побыть одной».

Нажимаю «отправить» и выключаю телефон. Знаю, что поступаю глупо. Но оставаться здесь, в этой клетке, с ним за стеной — ещё глупее. Он знает мой секрет. Он сказал «Истинная». Откуда? Мать говорила, что это слово знают только старейшины кланов. Значит, он из клана. Значит, он опасен.

Выхожу на лестничную клетку. Он стоит у окна, спиной ко мне, смотрит на улицу. В чёрной рубашке, расстёгнутой на груди, без перчатки. Пальцы длинные, с выступающими венами — руки музыканта или убийцы.

— Уезжаешь? — спрашивает, не оборачиваясь.

— Не твоё дело.

— За городом хуже. Там их стая. Они только и ждут, что-

бы наброситься на одинокую самку.

— Я не самка. Я человек.

Он поворачивается, смотрит в упор. Глаза тёмные, но в глубине золото — как у той пантеры во сне. Я не могу ответить взгляд, хотя всё внутри кричит: беги.

— Ты не человек, Ника. Ты Истинная. И тебя ищут.

Смеюсь — нервно, истерично, на грани.

— Ты бредишь. Я никто. Простая девушка, которая боится мартовских котов.

Он делает шаг ко мне, я отступаю, спиной упираюсь в стену. Он приближается, медленно, как к дикой кошке — боясь спугнуть. Останавливается в шаге, смотрит сверху вниз.

— Твоя мать была Истинной. Твой отец — обычным человеком. Она выбрала его, чтобы сломать систему. И это стоило ей жизни.

Мир останавливается. Как он знает? Я никому не рассказывала. Даже Алисе. Только мамин дневник, который я храню под подушкой.

— Откуда... — голос прерывается, шепчу.

— Она спасла меня, когда я был мальчишкой. Я поклялся найти тебя и защитить.

Смотрю в его глаза, ищу ложь. Не нахожу. Там только правда — и что-то ещё, тёплое, пугающее.

— Зачем тебе это?

— Потому что Март выбрал тебя для меня. А я не хочу быть как другие. Я хочу, чтобы ты сама сделала выбор.

Внутри всё дрожит. Не от страха. От того, что я не могу назвать. От того, что просыпается в животе и тянет к нему.

— Дай мне пройти, — говорю тихо.

Он отступает, пропускает. Я прохожу мимо, чувствуя его взгляд на затылке.

— Я буду ждать, — говорит в спину. — Ты вернёшься. Потому что тебе некуда больше идти.

Выхожу на улицу, ветер бьёт в лицо. Сажусь в такси, называю адрес загородного дома Алисы. Водитель кивает, машина трогается. Но через пять минут двигатель чихает и глохнет. Водитель ругается, лезет под капот. Из леса выходят двое. Глаза светятся жёлтым в утренних сумерках.

— Выходи, девочка, — говорит один. — Не заставляй нас ломать дверь.

Таксист бледнеет, трясётся, бормочет что-то про нечистую силу. Я выскакиваю и бегу. В сторону города, в сторону дома, в сторону него. Слышу за спиной смех — они не догоняют, они гонят меня назад, как овцу в загон.

Влетаю в подъезд, взбегаю по лестнице, спотыкаясь на каждом шагу. Он стоит у моей двери. Ждёт. Сложив руки на груди, спокойный, как удав.

— Я же говорил, — улыбается.

— Заткнись, — бросаю, вхожу в квартиру, задвигаю засовы.

Падаю на пол и плачу. От страха, от бессилия, от того, что он оказался прав. Мне некуда идти. Кроме как к нему.

Слышу, как он стучит в стену. Три удара, потом два. Мир. Перемирие. Или начало конца. Не знаю. Но впервые за много лет я не хочу убегать. Я хочу остаться. И это страшнее всего.

ГЛАВА 2. «ПРАВИЛА ИГРЫ» (26 марта)

Просыпаюсь от того, что кто-то скребётся в дверь. Нет, не в мою — в подъездную. Металлический звук, от которого по спине бегут мурашки. Смотрю на часы: половина девятого утра. Я проспала всего час, но чувствую себя разбитой, как после марафона. Встаю, натягиваю джинсы, иду к двери, смотрю в глазок. Коридор пуст. Но скрежет продолжается, теперь с нижней площадки.

Мне нужно в прачечную. Бельё накопилось за неделю, и если я не постираю сегодня, то к концу марта буду ходить в грязном. Глупая причина рисковать жизнью, но что поделать. Беру корзину, выхожу на лестницу. Запах сырости и табака — он курил здесь ночью. Интересно, он действительно сидел на лестнице? Или просто сказал, чтобы я спала спокойно?

Спускаюсь вниз, в подвал. Лампочка перегорела ещё в прошлом году, и никто не спешил её менять. Иду на ощупь, считаю ступеньки: двенадцать, тринадцать, четырнадцать. В тамбуре темно, хоть глаз выколи. Пахнет плесенью, мочой и чем-то ещё. Чем-то живым, диким. Звериным.

Я делаю шаг, второй, третий. И тут меня хватают.

С двух сторон одновременно. Чьи-то пальцы впиваются в

плечи, третья рука зажимает рот. Грубо, больно, неожиданно. Я дёргаюсь, пытаюсь вырваться, но они сильнее. Намного сильнее. Пахнет потом, дешёвым табаком и кошкой. Тот же запах, что и вчера на улице, когда меня преследовали двое из леса.

— Тихо, девочка, — шипит один мне в ухо. Голос противный, склизкий. — Не шуми. Быстро придём к согласию.

Сердце колотится где-то в горле, кровь стучит в висках. Я не слушаю. Бью его корзиной по ногам, пяткой — по голени. Он ругается, хватка ослабевает на секунду. Этого достаточно, чтобы я вывернулась и закричала. Громко, на весь подъезд, на весь дом. Крик разрывает горло, эхо летит по лестничной клетке.

— Беги, — шепчет кто-то сзади. Я не понимаю, кто. Может, третий? Но времени нет.

Свет зажигается. Яркий, режущий глаза. Я щурюсь и вижу его — Демида. Он стоит на лестнице, на две ступеньки выше, в той же чёрной рубашке, расстёгнутой на груди. Волосы растрёпаны, глаза тёмные, но в глубине золото. Смотрит на моих обидчиков с ленивой усмешкой, как кот на мышей, которые заигрались.

— Отпустите, — говорит спокойно. Не просит. Констатирует факт, который не обсуждается.

— Не твоё дело, — огрызается тот, что держал меня. — Она наша. Захар сказал — привести любую ценой.

Демид делает шаг вниз. Один шаг. Медленный, плавный,

как у хищника перед прыжком. И этого достаточно, чтобы нападавшие попятились. Я чувствую их страх — он пахнет уксусом и кислым потом. В воздухе что-то меняется, становится тяжело дышать. Давление, как перед грозой.

— Я сказал — отпустите.

Его голос низкий, с вибрацией, от которой мурашки бегут по коже. Он не повышает тона, но в подвале становится тихо, как в могиле. Мои пальцы немеют, я сжимаю корзину, чтобы не упасть. Ноги подкашиваются, но я держусь. Не при них.

Первый хищник бросается на него. Я вижу только тень, рывок, хруст. Демид даже не напрягается — просто перехватывает руку, выворачивает, бьёт коленом в живот. Тот падает, не встаёт. Второй пытается бежать, но Демид настигает его в два прыжка, припечатывает к стене, заламывает руку за спину.

— Кто вас послал? — рычит. — Кроме Захара?

— Никто, — скулит тот. — Только он. Сказал, что Истинная здесь. Что мы первые найдём — получим награду.

— Передай Захару, — Демид наклоняется к его уху, — что если он ещё раз тронет её, я приду за ним. И тогда никакой ритуал не спасёт.

Он отпускает его. Тот падает, поднимается и вылетает на улицу. Первый уже уполз. Я стою, прижавшись к стене, и трясусь. Корзина валяется на полу, бельё рассыпалось.

— Ты как? — Демид подходит, протягивает руку.

Не беру. Смотрю на него снизу вверх. Он кажется огром-

ным в этом полумраке. И страшным. И почему-то единственным безопасным местом во всём мире.

— Нормально, — вру. Голос дрожит.

— Идём ко мне. Там тепло и чай. И ответы, которые ты хотела.

— А если я откажусь?

— Тогда они вернутся. С подкреплением. А я не смогу быть в двух местах сразу. Выбирай.

Выбираю его. Потому что идти некуда. Потому что в моей квартире пахнет страхом, а здесь — дымом и кофе. Потому что я устала бояться одна.

— Ладно, — сдаюсь. — Но нож я возьму с собой.

— Бери, — улыбается. Уголки губ поднимаются, и он становится почти красивым. — Он тебе не пригодится.

Поднимаю корзину, собираю бельё. Пальцы дрожат, пуговица от рубашки катится по полу. Он наклоняется, поднимает, протягивает мне.

— Твоя.

— Спасибо.

Мы поднимаемся наверх. Я — первая, он — за мной. Чувствую его взгляд на своей спине. Тёплый, тяжёлый. И внутри отзывается что-то тёплое в ответ. Март. Или не только Март. Не хочу думать.

Вхожу в его квартиру впервые. Темно, шторы задернуты, свет только от свечей на подоконнике. Три штуки, длинные,

восковые. Пахнет дымом, кофе и кошкой — тем самым диким запахом, который я чувствовала на лестнице. Но здесь он не пугает. Здесь он кажется уютным, домашним. Как будто этот запах — часть хозяина, и он просто живёт здесь.

В углу диван, на стене карта города с красными отметками. Клановые территории, помеченные флажками. На столе ноутбук, несколько книг по истории, блокнот с карандашом. И фотографии. Много фотографий. Люди, лица, некоторые перечёркнуты красным.

— Проходи, садись, — он кивает на диван.

Не сажусь. Стою у двери, сжимая нож в кармане джинсов. Он не обращает внимания, идёт на кухню, гремит посудой. Я оглядываюсь. На стене, в рамке, — мамина фотография. Та самая, с которой она смотрит на меня, улыбается. Сердце пропускает удар.

— Откуда у тебя это? — голос срывается на шёпот.

Он выходит с двумя кружками, ставит на стол. Пар идёт, пахнет мятой.

— Садись, Ника. Разговор долгий.

— Отвечай.

— Сядь, — повторяет, и в голосе появляются стальные нотки. Не угроза — просьба, за которой сила.

Сажусь. Не потому, что испугалась. Потому что ноги подкашиваются, и если не сесть, упаду. Он садится напротив, на пуфик. Смотрит на меня долго, изучающе. Потом снимает перчатку с левой руки. Медленно, палец за пальцем. Под

ней — шрамы. Старые, белые, похожие на следы от когтей. Много шрамов, вся ладонь в рубцах.

— Красиво, правда? — усмехается, показывает мне руку.
— Подарок моей бывшей стаи.

— Ты был в клане?

— Был. «Северные». Меня взяли мальчишкой, тренировали, сделали убийцей. Но потом я ушёл. Стал одиночкой. Как и ты.

— Я не одиночка. Я никто. Обычная девушка, которая боится мартовских котов.

— Ты Истинная, Ника. Самая сильная из нас. Твоя кровь может подчинить всех хищников города. Или освободить. Захар хочет первого. Я хочу второго.

Имя знакомое. Алиса упоминала его как главу «Южных». Говорила, что он опасен, жесток, что лучше не попадаться ему на глаза. Я не придавала значения. Думала, это просто байки для новичков.

— Захар — тот, кто послал этих двоих?

— Да. Он ищет тебя уже три года. С тех пор, как твоя мать погибла.

— Она не погибала. Она исчезла. Ушла и не вернулась.

Он смотрит на меня долго, тяжело. В его глазах — боль. Настоящая, не наигранная. Я видела такую только у отца, когда он смотрел на мамины фотографии.

— Она погибла, Ника. Захар убил её, когда она отказалась отдать ему дневник. Я был там. Я видел.

Внутри всё обрывается. Мир сужается до точки — его лица, его глаз, его губ, которые произносят эти слова. Я знала. Знала все эти годы, но не хотела верить. А теперь правда бьёт наотмашь, и воздуха не хватает.

— Дневник, — шепчу. — Он у тебя.

— Да. Она отдала его мне перед смертью. Велела найти тебя и спрятать, пока не придёт время.

— И когда оно придёт?

— Сейчас. Март на пике. Захар готовит ритуал на тридцатое. Ему нужна твоя кровь, чтобы завершить заклинание. Если он получит её — все хищники в городе станут его рабами. Навсегда.

Я смеюсь. Нервно, истерично, на грани срыва. Смех вырывается сам, я не могу его остановить.

— Ты бредишь. Это не фильм ужасов. Это жизнь. Обычная жизнь, в которой люди ходят на работу, пьют кофе и ссорятся из-за пробок.

— Жизнь, в которой люди превращаются в зверей каждую весну. Ты сама это знаешь. Ты видела отца. Ты чувствуешь, как кровь кипит, когда Март близко. Как тело ломит, как хочется выть на луну. Не ври себе.

Он прав. Чёрт возьми, он прав. Я чувствую. Каждый год — жар, зуд, желание бежать, кусаться, царапаться. В прошлом году я расцарапала себе руки, чтобы не превратиться. Сидела в ванной, пускала холодную воду, кусала губы в кровь.

— Что мне делать? — голос тихий, сломленный. Я ненавижу себя за эту слабость, но сил притворяться нет.

— Учиться. Я научу тебя контролировать силу. А потом мы остановим Захара. Вместе.

— И ты просто так помогаешь? Бесплатно? — подозрение шевелится внутри. В марте никто ничего не делает просто так.

Он наклоняется ближе, смотрит в глаза. Я чувствую его дыхание — мятное, тёплое.

— Я помогаю, потому что твоя мать спасла мне жизнь. И потому что я дал слово. Мужское слово, которое не нарушают.

— А ещё? — я не знаю, зачем спрашиваю. Может, хочу услышать то, что боюсь.

Он молчит. Долго. В комнате тихо, только свечи потрескивают.

— А ещё потому, что Март выбрал тебя для меня. И я не хочу быть как Захар. Я хочу, чтобы ты сама сделала выбор.

Внутри всё замирает.

Он достаёт из рюкзака старый конверт. Бумага пожелтевшая, углы потрёпаны, на лицевой стороне — пятно, похожее на кровь. Моя рука дрожит, когда я беру его. Внутри — фотографии. Моя мать, молодая, смеющаяся, с заплетённой косой. Рядом с ней мужчина, которого я не знаю. Красивый, светловолосый, с добрыми глазами. Совсем не похож на то-

го, кого я считала отцом.

— Кто это? — спрашиваю, хотя догадываюсь. Сердце колотится где-то в горле.

— Твой настоящий отец. Его звали Алексей. Он был вожаком клана «Северных». Твоя мать полюбила его, но он погиб в междоусобной войне. Тогда она сбежала и встретила того, кого ты считала отцом. Обычного человека, без капли кошачьей крови.

Смотрю на фото. Пальцы дрожат, край конверта рвётся. Я вдыхаю глубже, чтобы не расплакаться.

— Почему она мне не сказала?

— Хотела защитить. Чем меньше ты знаешь, тем меньше опасности. Но кровь не обманешь. Ты Истинная по рождению. Сила перешла к тебе от отца.

— И что это значит? Что я теперь — монстр?

— Это значит, что ты можешь управлять Мартом. Не подчиняться ему, а управлять. Твоя мать не успела научиться. Её убили раньше.

Я смотрю на его руки. Длинные пальцы, шрамы, обручальное кольцо на безымянном — нет, просто полоска от загара. Раньше носил, теперь нет. Интересно, что случилось. Спрашивать не буду — не время.

— А ты? Ты кем был в этой истории?

— Я был мальчишкой из клана «Южных». Сиротой, без роду, без племени. Твоя мать вытащила меня из подвала, где нас держали как собак. Кормили объедками, били, трениро-

вали на убой. Она научила меня читать, писать, думать. А перед смертью отдала дневник и велела найти тебя.

— И ты искал пять лет?

— Да. объездил полстраны. Пока не нашёл твой след в этом городе.

— И нашёл?

— Да. Ты снимала эту квартиру, а я поселился сверху. Ждал, когда Март начнётся, чтобы ты поверила. Люди в обычное время не верят в таких, как мы.

— А если бы я не поверила?

— Ты поверила. Потому что чувствуешь меня. Так же, как я чувствую тебя. Это Март. Он связывает тех, кто предназначен друг другу.

Он протягивает руку, касается моего запястья. Пальцы горячие, сухие, шершавые от шрамов. По коже бегут мурашки, и я не могу понять — от страха или от чего-то другого. Пытаюсь отвести взгляд, но не могу. Его глаза — тёмные, глубокие, с золотыми искрами на дне.

— Отпусти, — шепчу. Губы не слушаются.

— Отпущу, — он убирает руку. — Когда ты сама попросишь. Не раньше.

Беру амулет на шее, сжимаю. Камень нагревается, пульсирует в такт сердцу. Тёплый, живой. Я никогда не замечала этого раньше.

— Мама говорила, что он защищает.

— Он хранит её силу. Твою силу. Без него ты умрёшь в

Марте. Не снимай, что бы ни случилось.

Киваю. Говорить не могу — горло сдавило, слёзы подступают к глазам. Я их сдерживаю. Не плакать при нём. Не при постороннем.

— Что теперь? — выдавливаю наконец.

— Теперь ты учишься. И готовишься к ритуалу. У нас три дня.

— А если я не справлюсь?

— Справишься. Ты — дочь своей матери. И моя пара. Я не дам тебе упасть.

Смотрю на фотографию. Мать улыбается. Как будто говорит: «Давай, дочка. Ты сможешь. Ты сильнее, чем думаешь».

— Хорошо, — говорю. — Учи меня.

Он встаёт, подходит к окну, раздвигает шторы. Свет луны заливает комнату — серебряный, холодный, волшебный. Я вижу его профиль: острые скулы, прямой нос, впалые щёки, лёгкая щетина. Красивый. Чёрт, какой красивый. И опасный. И от этого ещё более притягательный. Внутри что-то ёкает, и я понимаю — это не просто любованье. Это Март. Или не только.

— Иди сюда, — говорит тихо. Не оборачивается.

Подхожу. Останавливаюсь в шаге. Он поворачивается, смотрит сверху вниз. Мне приходится запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо. Он выше на голову, шире в плечах, и от него веет теплом — физическим, почти осязаемым.

— Закрой глаза, — просит.

— Зачем?

— Доверься. Хотя бы на минуту.

Закрываю. Темнота. Слышу его дыхание — ровное, спокойное, как у кота, который греется на солнце. Потом чувствую тепло. Он стоит рядом, совсем близко, я чувствую жар его тела через одежду. Пахнет дымом, кофе и ещё чем-то сладким, неуловимым.

— Теперь открой.

Открываю. Его лицо в сантиметре от моего. Глаза светятся золотом — ярко, как два солнца в ночи. Я не могу дышать. Внутри всё замирает, а потом взрывается фейерверком. Кровь приливает к щекам, к губам, к кончикам пальцев.

— Это Март, — шепчет он. — Он хочет соединить нас. Но я не буду, пока ты сама не захочешь. Клянусь.

— А если я хочу? — вырывается раньше, чем успеваю подумать. Глупо, глупо, глупо. Но отступать поздно.

Он замирает. Дыхание сбивается, становится прерывистым. Я вижу, как расширяются его зрачки, как напрягаются желваки, как вздуваются вены на шее.

— Ника, не играй со мной. Я не железный.

— Я не играю, — говорю, и сама верю в это.

Его рука ложится на мою щеку. Пальцы горячие, шершавые, с выступающими мозолями. Он проводит большим пальцем по скуле, по губе, по подбородку. Медленно, изучающе. Я чувствую каждую неровность его кожи, каждый

шрам, каждую складочку.

Мурашки бегут по спине, по рукам, по ногам. Живот скручивает тугой узел, и я понимаю — это не страх. Это желание. Чистое, животное, которое Март разбудил во мне. Или он сам.

— Скажи «да», — шепчет. — Или «нет». Сейчас. Не заставляй меня ждать.

— Да, — выдыхаю.

Он целует меня. Не нежно — жадно, голодно, как будто ждал этого всю жизнь. Его губы твёрдые, горячие, пахнут кофе и мятой. Я отвечаю, сама не веря, что это происходит. Руки сами поднимаются, обхватывают его шею, пальцы запутываются в волосах. Они мягкие, чуть выющиеся на затылке.

Его рука скользит на затылок, придерживает, не даёт отстраниться. Вторая ложится на талию, притягивает ближе. Я чувствую его тело — твёрдое, горячее, живое. Сердце колотится где-то в горле. Воздуха не хватает, но я не хочу останавливаться. Ни за что.

Он углубляет поцелуй, и мир исчезает. Нет комнаты, нет свечей, нет страха. Только он, его вкус, его запах, его руки, которые скользят по моей спине, оставляя огненные дорожки.

Я тихо стону — не могу сдержаться. Он отвечает рыком — низким, гортанным, звериным. И это не пугает. Это заводит ещё сильнее.

Он отстраняется первым. Упирается лбом в мой лоб, тя-

жело дышит. Я чувствую, как бьётся его сердце — так же бешено, как моё.

— Теперь ты моя, — говорит тихо, хрипло. — И я твой. Навсегда.

— Что это значит? — шепчу, всё ещё не приходя в себя.

— Это значит, что если я умру, ты тоже умрёшь. Частично. Или сойдёшь с ума. Связь необратима.

— Почему ты не сказал раньше?

— Ты бы не согласилась.

— Я и сейчас не согласна.

— Твои губы говорят «нет», — он усмехается, проводит пальцем по моей нижней губе. — А глаза — «да». И сердце. Я слышу твоё сердце, Ника. Оно бьётся в унисон с моим.

Он прав. Чёрт возьми, он прав. Я хочу его. Несмотря на страх, на опасность, на всё, что было и что будет. Хочу.

— Мы справимся, — шепчет он. — Вместе.

И я ему верю.

Я вырываюсь первой. Отшагиваю, натыкаюсь спиной на стену. Голова кружится, в висках стучит кровь. Он не двигается, просто смотрит — спокойно, выжидающе, с лёгкой усмешкой в уголках губ.

— Не надо, — говорю. Голос чужой, хриплый, не мой.

— Чего не надо?

— Смотреть на меня так. Как будто я уже твоя.

— Ты и есть моя. Связь закрепилась в момент поцелуя.

Теперь ты чувствуешь меня на расстоянии. Проверь.

Закрываю глаза. И правда — чувствую. Его пульс, его дыхание, его запах. Он рядом, даже когда не рядом. Внутри — тёплый свет, который раньше не горел. Странное, пугающее, притягательное чувство.

— Отпусти, — шепчу.

— Я не держу.

— Отпусти мысленно.

Он молчит. Потом свет гаснет. Я снова одна в своей голове. Пустота, тишина, покой.

— Спасибо, — выдыхаю.

— Я не враг, Ника. Я тот, кто будет защищать тебя. Даже от тебя самой.

— А если я не хочу защиты? Если я хочу сама разобраться?

— Тогда я буду просто рядом. На расстоянии вытянутой руки. Или на лестничной клетке. Выбирай.

Смотрю на него. В полумраке свечей он кажется почти красивым. Почти? Вру сама себе. Он красивый. И пугающий. И притягательный. И я не знаю, что с этим делать. Внутри борется страх и желание, разум и инстинкты.

— Мне нужно подумать, — говорю. — Одной.

— Хорошо. Но не уходи далеко. Захар ищет тебя. Его люди могут вернуться в любую минуту.

— Я в своей квартире. Стены, замки, сигнализация.

— Стены не остановят хищника, если он захочет войти.

Ты это знаешь.

— А ты остановишь?

— Я буду на лестнице. Всю ночь.

Смотрю на него. Серьёзно? Он будет сидеть на лестнице, как пёс, который охраняет дом?

— Ты спятил, — говорю. — Там холодно, грязно, и соседи будут выходить.

— Мне не холодно. И мне плевать на соседей. Иди, Ника. Отдыхай. Завтра начнём тренировки.

Иду к двери. Оборачиваюсь у порога.

— Демид?

— Да?

— Спасибо. За спасение. И за правду. И за... — я не договариваю. Не могу.

Он кивает. Понимает.

Выхожу, закрываю за собой дверь. Прислоняюсь к стене своей квартиры. Слышу, как он садится на лестничной клетке — скрип половицы, шорох одежды, тихий вздох.

— Спокойной ночи, — шепчу.

— Спокойной ночи, Ника, — слышу в ответ.

Улыбаюсь. Сама не знаю чему. Иду в душ, встаю под горячую воду. Стою долго, пока кожа не краснеет. Смываю его запах, его прикосновения, его поцелуй. Но внутри остаётся тепло. То самое, которое не смыть.

Ложусь на диван, накрываюсь пледом. Внутри всё гудит — от поцелуя, от его слов, от его запаха, который остался на

моей коже, как клеймо. Пальцы касаются губ. Они всё ещё горячие. Язык помнит вкус — кофе и мята.

— Дура, — шепчу себе в темноту. — Влюбилась в хищника. В марте. Лучшего времени не нашла.

Закрываю глаза. Слышу его дыхание за стеной. Ровное, спокойное. Он не спит. Он слушает. Слушает меня. И я впервые за много лет засыпаю без страха.

Снится поле. Но на этот раз без кошек. Только чёрная пантера, которая лежит у моих ног и мурлычет. Я глажу её по спине, и она лижет мою руку шершавым языком.

— Спи, — слышу его голос. — Я рядом.

Просыпаюсь утром. Смотрю в окно — солнце. Первый раз за неделю. Встаю, иду на кухню, завариваю кофе. Стук в стену — три удара, потом два.

Мир. Перемирие. Или начало чего-то нового.

Улыбаюсь и стучу в ответ.

ГЛАВА 3. «КОШАЧЬЯ СВАДЬБА» (27 марта)

Просыпаюсь от запаха кофе. Не моего — чужого, крепкого, с корицей. Он варит на два этажа выше, а я чувствую, как будто стоит рядом. Март усилил обоняние до звериной остроты. Или это связь? Та самая, о которой он говорил.

Встаю, плетусь на кухню. Голова тяжёлая, во рту горечь. Вчерашний день выжал меня как лимон. Завариваю свой — растворимый, безвкусный. Пью, глядя в окно. На улице серо, но снег уже стоял. Март в этом году тёплый, как будто природа тоже сходит с ума.

Стук в дверь. Три удара — его фирменный сигнал.

— Ника, открой. Я принёс завтрак.

— Не хочу, — вру.

— Врёшь. Я чувствую твой голод.

Чёрт. Он прав. Желудок урчит с ночи. Открываю. Он стоит на пороге с подносом: кофе в моей любимой кружке (откуда знает?), круассаны, клубника. И записка. На этот раз не «пей», а «доброе утро».

— Ты решил меня подкупить?

— Работает? — он улыбается, протягивает поднос.

Беру. Пальцы касаются его пальцев — искра, мурашки по рукам. Он не отдёргивает, смотрит на мою реакцию. Я отво-

жу взгляд.

— Проходи, — буркаю. — Раз пришёл.

Он заходит, садится на диван, осматривается. В моей квартире он впервые. Здесь светло, окна не заколочены ставнями — днём я их открываю, не выдерживаю темноты. На полках книги, на стенах постеры. Обычная берлога тридцатилетней девицы.

— Уютно, — говорит.

— Сарказм?

— Нет. Правда. Похоже на тебя.

— А ты откуда знаешь, на что я похожа?

— Чувствую.

Ставлю поднос на стол. Сажусь напротив, поджав ноги. Он сидит расслабленно, откинувшись на спинку, руки на коленях. Без перчатки сегодня. Шрамы видны — белые рубцы на тёмной коже.

— Не боишься? — спрашиваю.

— Чего?

— Что я укушу? Или поцарапаю? В марте все женщины немного кошки.

— Боюсь только одного, — он смотрит в глаза. — Что ты решишь сбежать.

Внутри ёкает. Отвожу взгляд, откусываю круассан. Хрустит, крошится, масло тает на языке. Вкусно. Чёрт, как вкусно.

— Откуда ты знаешь, что я люблю круассаны?

— Ты покупала их в пекарне за углом. В прошлый вторник. Я видел.

— Следил за мной?

— Присматривал. Есть разница.

— Для тебя — да. Для меня — нет.

Он молчит, не оправдывается. Просто пьёт кофе, маленькими глотками. Я смотрю на его руки. Длинные пальцы, чистая линия ногтей. Руки пианиста. Или убийцы. Наверное, и то, и другое.

— Зачем ты пришёл? — спрашиваю тихо.

— Сказать, что сегодня начнём тренировки. Время идёт. Захар не ждёт.

— С чего начнём?

— С контроля. Ты должна научиться включать силу и выключать её по команде.

— А если не получится?

— Получится. Ты сильная.

— Откуда ты знаешь? Я сама не знаю.

— Я чувствую твою силу. Она как пламя за тонкой стеной. Скоро прорвётся.

Отставляю кружку. Внутри — холодок. Страх. И предвкушение. Что, если он прав? Что, если я действительно могу?

— Ладно, — сдаюсь. — Когда начинаем?

— Через час. Я зайду. Надень что-нибудь удобное.

Он встаёт, идёт к двери. На пороге оборачивается.

— И, Ника?

— Что?

— Спасибо, что открыла. Доверие — это важно.

Выходит. Я смотрю на закрытую дверь. Сердце колотится где-то в горле.

— Дура, — шепчу. — Дура, дура, дура.

Но улыбаюсь.

Через час он стучит. Я уже готова — спортивный костюм, волосы собраны в хвост. В зеркале на меня смотрит бледная тень с огромными глазами. Зрачки всё ещё шире нормы. Внутри дрожь — не то от страха, не то от предвкушения.

Открываю. Он в чёрной футболке, джинсах, кроссовках. Волосы влажные — видимо, тоже готовился. Пахнет мылом и чем-то свежим, хвойным.

— Идём, — кивает на лестницу. — На крышу.

— На крышу?

— Там никого. Места много. Не бойся, не сброшу.

Поднимаемся наверх. Ветрено, серое небо давит. Город внизу — как муравейник, замерший перед бурей. Март. Все сидят по домам.

— Встань здесь, — он указывает на центр площадки. — Закрой глаза.

Закрываю.

— Чувствуешь ветер?

— Да.

— Чувствуешь, как он касается кожи?

— Да.

— Это природа. Она твоя. Ты часть её. Откройся.

Пытаюсь. Но внутри — зажим. Страх, что что-то пойдёт не так. Что я потеряю контроль, как отец. Он подходит ближе, встаёт за спиной.

— Дыши глубже, — его голос рядом, тёплый. — Вдох — животом, выдох — ртом.

Делаю вдох. Воздух холодный, режет лёгкие.

— Ещё.

Вдыхаю. Выдыхаю. Постепенно дрожь уходит. Я чувствую своё тело — мышцы, кости, кровь, которая течёт по венам. И что-то ещё. Огонь. Маленький, в груди.

— Нашла, — он говорит не спрашивая.

— Да. Что это?

— Твоя сила. Искра. Сейчас она маленькая, но может разгореться. Не бойся её. Позволь ей течь.

Он берёт меня за руку. Пальцы горячие, уверенные. Вторую руку кладёт на талию. Я замираю.

— Расслабься, — шепчет. — Я держу.

Закрываю глаза. Огонь в груди растёт, растекается по телу, как тёплый мёд. Пальцы немеют, кончики покалывает. Открываю глаза и смотрю на руки — они изменились. Кожа потемнела, ногти стали длиннее, острее. Когти.

— Получилось, — выдыхаю.

— Не спеши. Теперь удержи.

Пытаюсь. Но огонь пульсирует, не слушается. Когти исче-

зают, появляются снова. Руки дрожат.

— Не напрягайся, — он сжимает мою ладонь. — Сила не любит насилия. Она любит спокойствие.

— Легко тебе говорить, — огрызаюсь. — У тебя получилось с первого раза?

— Нет. Я учился годами.

Смотрю на него. В его глазах — спокойствие и терпение. Нет насмешки, нет жалости.

— Почему ты не смеёшься?

— Над чем?

— Над тем, что я неуклюжая. Что у меня не получается.

— Потому что я знаю, что получится. Просто нужно время.

Делаю глубокий вдох. Закрываю глаза. Огонь в груди — маленький, тёплый. Я не борюсь с ним. Я позволяю ему течь. Он растекается по плечам, по рукам, до кончиков пальцев. Открываю глаза. Когти на месте. Ровные, чёрные, острые.

— Держу, — шепчу.

— Молодец. Теперь выключи.

— Как?

— Просто скажи «нет». Или представь, что огонь гаснет.

Закрываю глаза. Представляю, как пламя затухает, превращается в искру, потом в уголёк. Открываю — руки обычные.

— Получилось, — не верю себе.

— Я же говорил, — он улыбается. Впервые так — откры-

то, тепло. — Ты сильная.

Я краснею. Отвожу взгляд.

— Что дальше?

— Дальше будем учиться превращаться. Но не сегодня. Сегодня отдыхай.

— Я не устала.

— Я устал. И ты голодна. Идём, накормлю.

Он берёт меня за руку, ведёт к двери. Я не вырываюсь.

Выходим на улицу, и воздух бьёт в лицо — холодный, сырой, пахнет мокрым асфальтом и мартовской оттепелью. Я делаю шаг, второй. Ноги дрожат, но не от холода. Затылком чувствую взгляды. Их много. Слева, справа, из подворотен, из окон заколоченных домов. Хищники. Они знают. Чувствуют Истинную за версту. Моя кожа покрывается мурашками, волосы на затылке встают дыбом.

— Не смотри на них, — шепчет Демид, его голос низкий, вибрирующий. — Смотри прямо. Дыши ровно.

Пытаюсь. Но дыхание сбивается, сердце колотится где-то в горле. Каждый шаг даётся с трудом, как будто иду по болоту. Асфальт под ногами мокрый, скользкий. Я чувствую запах страха — свой собственный, кислый, липкий. И его запах — дым, кофе, зверь. Он идёт рядом, почти касается плечом. Тёплый, живой, настоящий.

— Демид, — шепчу.

— М?

— Их слишком много.

— Их всегда много. Они трусы. Не нападут, пока я рядом.

Внутри — холодок. А если нападут? Что тогда? Я не умею драться. Не умею превращаться. Только когти выпускать на секунду. Он, один против стаи. Сердце сжимается.

— Не думай о плохом, — он берёт меня за руку. Пальцы горячие, сухие, уверенные. Сжимают мои, передают тепло. — Думай о том, что мы дойдём до театра, сядем, выпьем чай. Вкусный, с мятой.

Улыбаюсь сквозь страх. Он говорит о чае, а вокруг — хищники с жёлтыми глазами. Они выглядывают из-за углов, провожают нас взглядами. Один, в чёрной куртке, сплёвывает на асфальт. Другой, байкер с бородой, ухмыляется, обнажая клыки.

— Не обращай внимания, — Демид тянет меня вперёд. — Они проверяют. Хотят увидеть слабинку. Не показывай.

Сжимаю его руку в ответ. Показываю, что не боюсь. Даже если внутри всё дрожит. На перекрёстке нас останавливают трое. Я их узнаю. Те, что были в подъезде. У одного разбита губа, второй прихрамывает. Третий — новый, крупный, с бритой головой. Глаза светятся ярко-жёлтым, почти оранжевым. Вожак.

— Демид, — он скалится. — А это та самая? Истинная? Смотри-ка, вывел погулять.

— Какая разница? — Демид не останавливается, ведёт меня дальше, но вожак преграждает путь.

— Захар будет рад. Он ищет её. Обещал награду.

— Передай Захару, — Демид говорит спокойно, даже лениво, но я чувствую, как напряглись его мышцы, как сталью зазвенел голос, — что она со мной. И что я сломаю руки тому, кто подойдёт ближе, чем на десять метров. А ноги — тому, кто посмеет заговорить.

Вожак смеётся. Грубо, натянуто. Но отступает. Остальные тоже расходятся. Проходим. Я выдыхаю, сама не заметив, что задерживала дыхание.

— Молодец, — шепчет Демид. — Не дрогнула.

— Внутри дрогнула.

— Это не видно. А снаружи только результат.

Заворачиваем за угол. Он резко останавливается, прижимает меня к стене. Спиной чувствую холод кирпича, шершавую поверхность. Он нависает сверху, закрывает собой. Я смотрю в его глаза — тёмные, с золотыми искрами.

— Что? — шепчу, сердце колотится.

— Ничего. Просто проверил, не следят ли. Тишина.

Он не отходит. Стоит близко, так близко, что я чувствую его дыхание на своей щеке. Тёплое, с мятным оттенком. Пахнет кофе и потом. Его рука лежит на стене рядом с моей головой, вторая — на талии. Пальцы горячие, даже через джинсы.

— Демид, — выдыхаю.

— Что?

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не оставил. За то, что рядом. За то, что веришь в меня, даже когда я не верю.

Он молчит. Смотрит долго, изучающе. Потом наклоняется и целует меня в лоб. Губы сухие, горячие. Я закрываю глаза. Внутри — тепло, как от глотка горячего чая.

— Идём, — он отходит, берёт за руку. — Нам нужно к Вере.

Мы идём дальше. Город пуст, только ветер гоняет мусор. Но я больше не боюсь. Рядом с ним — нет.

Театр стоит на окраине, приземистый, тёмный, с выбитыми стёклами. На стенах граффити — черепа, драконы, кошки. Много кошек. Чьи-то жёлтые глаза смотрят с кирпича. Внутри пахнет пылью, сыростью и чем-то сладким — то ли духами, то ли дымом. Я вдыхаю, и этот запах оседает на языке.

— Кто здесь живёт? — шепчу, хотя знаю, что Демид слышит.

— Вера. Она поможет. Учёная. Изучает природу Марта.

— Она знала мою мать?

— Да. Лучше, чем я.

Мы спускаемся в подвал. Ступеньки каменные, стёртые, скользкие. Я держусь за перила — ржавые, холодные. Демид идёт первым, подсвечивает фонариком на телефоне. Свет выхватывает из темноты стены, трубы, старые афиши.

Внизу — дверь. Он стучит: три удара, потом два. Его сигнал. Дверь открывается.

Женщина лет пятидесяти, в очках, с седыми волосами, собранными в пучок. На ней старый свитер, джинсы, тапки. Простая, как соседка. Но глаза — зелёные, острые, с вертикальными зрачками. Хищница.

— Входите, — голос низкий, прокуренный. — Я вас ждалась.

Заходим. Внутри — комната, похожая на лабораторию. Столы с пробирками, книги, карты. На стенах — схемы, графики, фотографии. И мамина. Большая, в рамке. Сердце пропускает удар.

— Так вот ты какая, — Вера смотрит на меня поверх очков. — Похожа на мать. Только взгляд злее.

— Вы знали мою мать?

— Знала. И любила. Она была хорошим человеком. И сильным хищником.

Внутри — комок. Я не знаю, что сказать. Стою, как дура, и смотрю на мамино фото. Демид кладёт руку мне на плечо, сжимает.

— Садитесь, — Вера кивает на табуретки. — Разговор долгий.

Сажусь. Демид рядом. Вера напротив, за столом. Она снимает очки, протирает их краем свитера.

— Значит так, девочка. Ты — Истинная. Последняя в своём роде. Твоя мать была такой же, но не успела раскрыть си-

лу. Её убили.

— Я знаю, — голос срывается.

— Но ты не знаешь главного. Захар готовит ритуал. Тридцать первого марта, в полночь, в старом соборе. Ему нужна твоя кровь.

— Я знаю.

— Тогда слушай дальше. Если он проведёт ритуал, все хищники в городе станут его рабами. Навсегда. Включая твоего дружка, — она кивает на Демида.

Смотрю на него. Он спокоен, но в глазах — напряжение. Желваки играют. Он уже знал. Но не сказал.

— Ты знал? — спрашиваю тихо.

— Знал, — отвечает. — Не хотел пугать раньше времени.

— Идиот, — выдыхаю. — Я должна знать всё.

— Теперь знаешь.

Вера качает головой.

— Хватит ссориться. Времени мало. Есть обратный ритуал. Твоя мать хотела провести его, но не успела. Ты сможешь. Но это опасно.

— Чем?

— Ты можешь умереть. Или потерять силу навсегда. Или сойти с ума. Ритуал нестабилен. Я не знаю, как поведёт себя твоя кровь.

Внутри — холодок. Страх. Он сковывает горло, не даёт дышать. Но рядом — Демид. Его рука на моей, пальцы переплетены. Тёплые, живые.

— Я сделаю, — говорю. Голос твёрже, чем я ожидала.

— Уверена? — Вера смотрит в глаза.

— Уверена. Мать не смогла. Я смогу.

Она долго молчит. Потом кивает.

— Хорошо. Тогда завтра начинаем подготовку. Я научу тебя словам ритуала, заклинаниям. А сегодня — отдыхай. Завтра будет тяжело.

Выходим из театра. На улице темно, фонари не горят. Только луна, жёлтая, кошачья. Демид молчит.

— Ты злишься? — спрашиваю.

— Нет. Боюсь.

— Чего?

— Потерять тебя.

Он говорит это так просто, будто признаётся в погоде. А у меня сердце останавливается. Потом начинает биться чаще, сильнее.

— Не потеряешь, — обещаю. — Я живучая.

Он улыбается. Берёт за руку. Мы идём в темноту.

Мы не возвращаемся домой. Демид говорит, что там опасно — Захар знает адрес. Ведёт меня в подвал под театром, туда, где Вера оборудовала убежище. Спускаемся по другой лестнице, узкой, винтовой. Ступеньки металлические, гремят под ногами. Пахнет сталью, машинным маслом и ещё чем-то — травяным, успокаивающим.

Внизу — комната. Небольшая, но уютная. Стены камен-

ные, пол бетонный, но на полу — ковёр, в углу матрасы, накрытые пледами. Свечи на подоконнике, лампа на столе. И запах — кофе, мята, дым. Его запах. Домашний.

— Здесь безопасно, — говорит он, закрывая дверь на замок. — Вера защитила помещение старыми заклинаниями. Захар не войдёт.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он пытался. В прошлом году. Не смог.

Сажусь на матрас. Усталость наваливается, как бетонная плита. Глаза слипаются, тело ноет, мышцы гудят после тренировки. Когти сами выходят — от напряжения, от страха. Смотрю на свои руки. Чёрные кончики пальцев, острые ногти. Чужие.

— Не спи, — он садится рядом. Матрас прогибается под его весом. — Сначала поешь.

Протягивает банку тушёнки, хлеб, флягу с водой. Ем молча. Тушёнка жирная, холодная, но голод заставляет жевать. Он смотрит, не отворачивается. Взгляд тяжёлый, тёплый.

— Что? — спрашиваю с набитым ртом.

— Ничего. Просто смотрю.

— На что?

— На тебя. Ты красивая, когда не боишься.

Краснею. Откладываю банку. Пальцы дрожат — от усталости, от его слов, от того, что происходит между нами. Воздух густеет, становится тяжёлым, как перед грозой.

— Демид, — говорю тихо.

— М?

— Ты правда думаешь, что у нас получится?

— Не думаю. Знаю.

— Откуда?

Он поворачивается, смотрит в глаза. В его зрачках — золото. Яркое, живое. Он берёт моё лицо в ладони. Пальцы горячие, шершавые, пахнут металлом и кожей.

— Потому что мы вместе. А вместе мы сильнее любого Захара. Ты — Истинная. Я — тот, кто был рождён тебя защищать. Март выбрал нас. Не случайно.

— А если я не хочу быть выбранной? Если я хочу сама выбирать?

— Тогда выбирай, — он проводит большим пальцем по моей щеке. — Сейчас. Я или страх.

Смотрю на него. В его глазах — спокойствие, терпение и что-то ещё. Что-то тёплое, глубокое, от чего внутри всё переворачивается.

— Ты, — шепчу.

Он наклоняется, целует меня. Нежно, медленно, без спешки. Его губы сухие, горячие, пахнут кофе. Я отвечаю. Руки сами обнимают его за шею, пальцы запутываются в волосах. Они мягкие, чуть влажные.

Мы падаем на матрас. Он сверху, тяжёлый, тёплый. Я чувствую вес его тела — приятный, успокаивающий. Его сердце бьётся рядом, в унисон с моим. Внутри — огонь. Не тот, звериный, который я училась контролировать. Другой. Че-

ловеческий.

— Можно? — шепчет, отстраняясь на секунду. Глаза бле-
стят в темноте.

— Можно, — отвечаю.

Он целует меня снова. Глубже, жарче. Его руки скользят по моему телу, снимают свитер, джинсы. Я не сопротивляюсь. Хочу. Впервые в жизни хочу по-настоящему, без оглядки на страх.

Кожа к коже. Горячо. Я чувствую его пальцы на своей спине, на бёдрах, на животе. Каждое прикосновение — как удар тока. Мурашки бегут по всему телу.

— Я люблю тебя, — шепчет он мне в губы. — Ты знаешь?

— Знаю, — выдыхаю. — И я тебя.

Мир исчезает. Остаётся только он — его дыхание, его руки, его губы. Ритм, который мы задаём вместе. Вздохи, стоны, тихие слова, которых я не помню. Только чувства — яркие, острые, настоящие.

После — лежим в темноте. Я на его груди, слушаю сердце. Оно бьётся ровно, спокойно. Пахнет потом, кофе, любовью.

— Не бойся, — шепчет он. — Завтра будем сражаться. А сегодня — просто будем.

Закрываю глаза. Засыпаю под звук его сердцебиения. Впервые за много лет — спокойно.

ГЛАВА 4. «ТИХАЯ НОЧЬ» (28 марта)

Просыпаюсь от того, что кто-то гладит меня по волосам. Пальцы нежные, осторожные, перебирают пряди, путаются в колтунах. Я не открываю глаза. Не хочу, чтобы это кончалось. Тепло, уютно, пахнет им — дымом, кофе, зверем. Внутри — спокойствие, которого не было годами.

Открываю всё-таки. Темнота. Свечи догорели, только слабый свет пробивается из-под двери. Его лицо рядом, в полумраке. Глаза закрыты, но он не спит — я чувствую. Дыхание ровное, но пальцы продолжают гладить.

— Ты не спишь, — шепчу.

— Сплю, — отвечает так же тихо. — Вру.

Улыбаюсь. Его рука скользит с волос на плечо, потом на спину. Притягивает ближе. Я утыкаюсь носом ему в грудь. Пахнет потом, вчерашним кофе, чем-то сладким, неуловимым. Сердце бьётся под щекой — ровно, спокойно. Не так, как у меня.

— Ты слышишь моё сердце? — спрашиваю.

— Слышу. Оно громкое.

— Это от страха.

— Нет. Это от того, что ты живая. И рядом.

Поднимаю голову, смотрю на него. В темноте вижу только

контуры — широкие плечи, твёрдую линию челюсти, впалые глаза. Он смотрит в ответ, не отводит взгляд.

— Сколько времени? — спрашиваю.

— Ближе к утру. Ещё пара часов до рассвета.

— Не хочу, чтобы наступал.

— Почему?

— Потому что днём нужно будет что-то делать. Бороться. Учиться. Бояться. А ночью можно просто лежать.

Он молчит. Потом притягивает меня ещё ближе, обхватывает обеими руками. Я чувствую его тепло через одежду — мы так и не разделись вчера, просто упали на матрас и провалились в сон. Усталость взяла своё.

— Расскажи что-нибудь, — прошу.

— О чём?

— О себе. Я знаю о тебе только то, что ты из клана, что мама тебя спасла, что ты искал меня пять лет. А остальное — белое пятно.

Он вздыхает. Грудная клетка поднимается, опускается.

— Что ты хочешь знать?

— Всё. Например, сколько тебе лет.

— Тридцать два.

— Почему не женат?

— Не встретил ту, с кем захотелось.

— А сейчас встретил?

Он смотрит на меня. Даже в темноте чувствую его взгляд — тяжёлый, тёплый.

— Встретил.

Внутри всё переворачивается. Я не знаю, что сказать. Смушение, радость, страх — всё смешивается в один тугой комок.

— Ты всегда такой уверенный? — шепчу.

— Нет. С тобой — теряю уверенность. Ты непредсказуемая.

— Это плохо?

— Это интересно.

Он проводит пальцем по моей щеке, по губе. Нежно, едва касаясь. Мурашки бегут по спине.

— Демид, — говорю.

— М?

— А если у нас ничего не получится? Если Захар поймает меня? Если ритуал убьёт?

Он замирает. Пальцы останавливаются на моей губе.

— Не думай об этом.

— Не могу. Страх — это моё второе имя.

— Тогда думай о том, что я рядом. Что я не дам тебя в обиду. Что я сильнее любого Захара.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что я люблю тебя.

Говорит это так просто, будто признаётся, что на улице дождь. А у меня сердце пропускает удар, потом начинает биться как бешеное.

— Ты не можешь меня любить. Мы знакомы всего три

дня.

— Март ускоряет чувства. Или не Март. Не знаю. Но я знаю, что без тебя не хочу возвращаться в свою квартиру.

Молчу. Слёзы подступают к глазам. Я сдерживаю их, но он чувствует — проводит пальцем по моей щеке, стирает влагу.

— Не плачь.

— Я не плачу.

— Плачешь.

— Это аллергия на март.

Он смеётся — тихо, горлом. И прижимает меня к себе крепче.

— Спи, — говорит. — Завтра будет трудно.

— А ты?

— А я покараулю.

— Ты не спал всю ночь?

— Немного. Мне хватит.

Закрываю глаза. Его рука на моей спине, пальцы выписывают круги. Убаюкивает. Я чувствую его сердце — ровное, спокойное. Моё постепенно замедляется, подстраивается.

— Демид, — шепчу уже в полусне.

— М?

— Я тоже тебя люблю.

Не знаю, правда ли это. Или Март. Или страх. Но в этот момент — это чистая правда.

Он не отвечает. Только целует меня в макушку. И я засыпаю.

После завтрака Демид достаёт из рюкзака тетрадь. Старую, потрёпанную, в кожаном переплёте. Углы обтрепаны, корешок треснул. Я узнаю её сразу — мамина. Она держала её в ящике комода, под стопкой белья. Когда я была маленькой, мне запрещали даже прикасаться. «Вырастешь — прочитаешь», — говорила она. Я выросла, но так и не решилась. Тетрадь лежит у меня под подушкой уже три года, и я ни разу не открыла её. Страшно. Больно. А теперь он кладёт её на стол передо мной, и я чувствую запах — лаванда, ваниль, старость. Мамин запах. Горло сдавливает.

— Она просила передать тебе, — говорит Демид тихо. — Не мне. Только тебе.

— Ты читал? — голос хриплый, чужой.

— Нет. Не имел права.

Смотрю на тетрадь. Пальцы не слушаются, когда тянусь. Обложка шершавая, тёплая — будто мама держала её только что. Провожу по буквам, выдавленным на коже. «Дневник». Простое слово, а внутри — вся её жизнь. Открываю. Первая страница. Мамин почерк — мелкий, нервный, с наклоном влево. Буквы прыгают, как будто она писала на бегу. «Моей дочери, когда она станет женщиной». Слезы наворачиваются, я сглатываю.

— Читай вслух, — просит он. — Так легче.

— Откуда ты знаешь?

— Сам так делал. Когда получил письмо от матери. Читал

вслух пустой комнате. Помогло.

Начинаю читать. Голос дрожит, срывается, но я справляюсь. «Если ты читаешь это, значит, Март уже коснулся тебя. Значит, я не смогла защитить тебя от правды. Прости, дочка. Я хотела, чтобы ты жила обычной жизнью. Чтобы не знала о кланах, о ритуалах, о крови. Но кровь не обманешь. Она заговорит сама». Делаю паузу, вытираю щёку тыльной стороной ладони. Демид не двигается, сидит тихо, как камень. Только глаза следят за мной.

Читаю дальше. «Ты — Истинная, Ника. Твоя сила больше, чем у любого из нас. Ты можешь подчинить себе Март или уничтожить его. Я не успела научиться. Ты успеешь. Главное — не бойся. Страх блокирует силу. Помни: ты дочь воина. Твой настоящий отец погиб в бою. Он был вожаком «Северных». Сильным, добрым, справедливым. Он не хотел войны, но война нашла его». Я не знала. Думала, что отец — тот, кто вырастил меня. Обычный человек, который ушёл в ночь и не вернулся. А оказывается, есть другой. Которого я никогда не видела.

Читаю дальше, и голос становится твёрже. «Демид — хороший человек. Я встретила его случайно, когда он был мальчишкой. Он рос в подвале клана «Южных», как собака. Его били, морили голодом, тренировали на убой. Я вытащила его оттуда. Он поклялся найти тебя и защитить. Доверься ему. Он не предаст». Поднимаю глаза на Демида. Он сидит, сцепив пальцы замком. Лицо спокойное, но желваки играют.

Он слушает каждое слово, как приговор.

— Дальше? — спрашивает хрипло.

— Дальше.

Читаю: «Захар — чудовище. Он убил твоего настоящего отца. Он охотился на меня три года. Он не остановится. Но ты сильнее. Ты — моя дочь. А я была сильной. Просто устала бегать. Я решила встретиться с ним лицом к лицу, чтобы дать тебе время. Если ты читаешь это — значит, у меня получилось. Ты жива. Это главное». Слёзы текут ручьём. Я не вытираю, пусть. «В дневнике — всё. Ритуалы, заклинания, имена тех, кому можно верить. Вера поможет. Она знает больше, чем я. Слушайся её. И ещё: не снимай амулет. Никогда. Он хранит мою силу. Пока он на тебе — я с тобой».

Закрываю тетрадь. Руки трясутся, пальцы не слушаются. Кладу её на стол, смотрю на обложку. Мамин почерк, мамин запах, мамина кровь.

— Она знала, — шепчу. — Знала, что умрёт. И всё равно пошла.

— Хотела спасти тебя, — голос Демида низкий, вибрирующий. — И отца. Не получилось.

— Почему ты не остановил её? — вырывается резко, почти зло. Я понимаю, что не в нём дело, но боль ищет выход.

— Я был мальчишкой, — он не отводит взгляд. — Ничего не умел. Только смотрел и плакал. Она заперла меня в чулане, чтобы я не побежал за ней. Я выломал дверь, но было поздно.

Он говорит это без стыда, как факт. Без оправданий. Я смотрю на него и вижу того мальчика — грязного, голодного, с жёлтыми глазами. Который плачет в чулане, потому что единственный добрый человек уходит на смерть.

— Ты поэтому ищешь меня? — спрашиваю тихо. — Из чувства вины?

— Сначала да. Думал, если найду тебя, искуплю. Спасу тебя — значит, спасу её память.

— А теперь?

Он молчит. Долго. Я слышу, как потрескивает лампа, как где-то наверху шуршат крысы.

— Теперь — потому что не могу без тебя. Не хочу.

Внутри — тепло. Оно разливается от груди к животу, к рукам, к кончикам пальцев. Беру его руку, сжимаю. Пальцы горячие, сухие, отвечают на сжатие.

— Спасибо, — говорю. — Что не бросил. Что искал. Что верил.

— Не за что, — он наклоняется, целует меня в лоб. Губы сухие, тёплые. Я закрываю глаза.

Сидим так долго. Потом я открываю дневник снова. Листаю дальше. Там схемы, карты, списки имён. Зашифрованные записи, рисунки ритуальных кругов. И одно имя, обведённое красным фломастером. Жирно, несколько раз. «Захар. Клан "Южные". Убить нельзя — станет сильнее. Только лишить силы через обратный ритуал».

— Мы сделаем это, — говорю. — Убьём не его. Его силу.

— Вместе, — он кивает.

Закрываю дневник, убираю в рюкзак. Прячу на самое дно, под запасные носки и фонарик. Мама смотрит на меня с обложки — с фотографии, что приклеена изнутри. Улыбается. «Давай, дочка. Ты сможешь». Я почти слышу её голос.

После дневника Демид не даёт мне раскиснуть. Встаёт, отодвигает табурет, расстилает на полу карту. Старую, потрёпанную, с пятнами и надрывами по краям. Прижимает углы кружками — моей любимой, с треснувшей ручкой, и своей, армейской, из нержавеющей стали. Я смотрю сверху. Город как на ладони, весь расчерчен красными, синими, зелёными линиями. Похоже на карту военных действий из старых фильмов. Только это не фильм. Это моя жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.